

Н.Ф.ФЕДОРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ

Москва
«ТРАДИЦИЯ»
1997

ББК 87.3(2)

Ф 33

Редактор И.И. Блауберг
Художник В.К. Кузнецов

Составление, подготовка текста и комментарии
А.Г. Гачевой при участии *С.Г. Семеновой*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 96-03-16131

Федоров Н.Ф.

Ф 33 Собрание сочинений: В 4-х тт. Том III. – М.: «Традиция», 1997.

ББК 87.3(2)

ISBN 5-89493-003-0

© «Традиция», 1997
© Составление, комментарии и научная подготовка текста А.Г.Гачевой при участии С.Г.Семеновой

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКЕ В.Н. КАРАЗИНУ ²⁹⁰

Современная наука есть вывод из наблюдений, сделанных *кое-кем, кое-где* и кое-когда, тогда как она должна быть выводом из наблюдений, производимых всегда, *везде и всеми*.

В последнее время обратили на себя внимание идеи Бодуэна. Сущность их заключается в том, что если посредством воздушного шара, пущенного в высокие слои атмосферы, производить электрический разряд облаков, то должны произойти осадки в виде дождя. Лодж тоже высказывается за возможность путем регуляции атмосферного электричества воздействовать на метеорологические явления²⁹¹. Последний ученый высказывает мысль, что, по всей вероятности, влияние электричества на погоду гораздо больше, нежели мы думаем. Он полагает, что нет ничего невозможного в надежде управлять электрическим напряжением атмосферы, а следовательно, и погодой.

Эти идеи о регуляции метеорологических явлений до некоторой степени возбуждают сенсацию, как важная *новость*.

Вполне понятно, что такой важный вопрос обращает на *себя внимание*, но странно, что он дожидался этой чести в течение восьмидесяти лет. В самом деле: ровно восемьдесят лет тому назад В.Н. Каразин развивал эту мысль в письме к Аракчееву от 9-го апреля 1814 года. Вот его подлинные слова: «Поелику электричество употребляется природой первым орудием к произведению метеоров, то не достигнет ли когда-либо посредством одного человек до возможности, по крайней мере на некотором пространстве*, управлять состоянием атмосферы, производить ведро и дождь по своему произволу?»**

Каразин выражает надежду, что Аракчеев достаточно просвещен и не сочтет его мысли слишком дерзкой. Он жестоко ошибся: Аракчеев не только не понял Каразина, но даже издевался над ним***. Далее: не только мысль о возможности регуляции, но даже способ, который предлагался Каразиним, совершенно тождествен с тем, на который указывает Бодуэн****. Это тот же воздушный шар с громоотводом, соединенный проводником с поверхностью земли*****.

Но этого мало: Каразин не только высказал известную мысль, но стремился провести ее в жизнь. Он прекрасно понимал, что задача изучения

* А следовательно, и везде, т.к. возможное в одном месте возможно и повсюду.

** Сборник исторических материалов, извлеченных из первого отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб. 1876 г. Вып. I. Стр. 461.

*** См. Биографию Каразина, написанную Абрамовым. СПб. 1891 г. Стр. 75.²⁹²

**** Заметим кстати, что после Каразина, но много ранее Бодуэна этот способ предлагал Араго для управления грозами. См. *Annuaire pour l'an 1838, présenté au Roi par le bureau de longitudes*, p. 570.

***** Эта мысль подробно развита Каразиним в 1818 году, в записке о возможности приложить электрическую силу верхних слоев атмосферы к потребностям человека²⁹³.

природы и, в частности, атмосферных явлений не под силу одному человеку, и был озабочен составлением плана всеобщего наблюдения и изучения метеорологических явлений. Укажем на самую характерную черту проекта Каразина и в немногих словах выясним ее значение. Каразин, как известно, хоть это почему-то и упускается из виду, был не только «основателем Харьковского университета», но основателем самого Министерства Народного Просвещения. В качестве лица, стоящего у кормила правления нового Министерства, он проектировал целый ряд планов, которым до сих пор еще не удалось перейти в жизнь.

К числу таких планов, не оцененных современниками и слишком рано забытых потомками, принадлежит идея повсеместных метеорологических наблюдений в стране, занимающей шестую часть материка. Он задумал покрыть Россию сетью наблюдательных станций и, что особенно важно и до сих пор не оценено, — хотел исполнить этот грандиозный план самым естественным путем, самым простым способом, *не создавая новых должностей*, т.е. безденежно, так как он прекрасно понимал, что иначе в такой обширной стране это было бы и невозможно. Он хотел достигнуть осуществления этой задачи, делая наблюдателями учителей народных школ и таким образом *естественно соединяя распространение просвещения с расширением самого знания*. Очевидно, им руководила глубокая и вполне правильная мысль, что обладатели наличного запаса знания, случайно собранного (т.е. ученые), должны быть лишь начинателями в создании науки, воздвигаемой при общем участии. От подобной постановки дела должно было выиграть и самое преподавание. *Оно стало бы тогда естественно, а не искусственно наглядным (наблюдение природы, а не рассмотрение картин); тогда выбор предмета преподавания не зависел бы от произвола наставников и руководителей*, и обучение сделалось бы плодотворным как по методу, так и по характеру сообщаемых сведений.

В самом деле: глубоко прав крестьянин, говоря, что его кормит небо, ибо зависимость проявлений физической жизни связана с ходом метеорологических явлений крайне тесно. Вот почему о «благорастворении воздухов» молятся в храмах, вот почему знание этих явлений должно лечь в основу научного преподавания в *христианских школах вообще (ибо антагонизма между светским и духовным, земским и церковным быть не должно*)*.

Но и этого мало: без преувеличения можно сказать, что ни в одной отрасли человеческого знания не ощущается с такой очевидностью необходимость одновременного наблюдения на обширном пространстве и во многих пунктах; здесь необходимо полное единение при наблюдениях настоящего с целью воздействия на будущее, *объединение всех в познании и воздействии на ту силу, которая казнит смертью за невежество (голод, эпидемии)*. Каразин знал и открыто высказывал, что Россия по своим климатическим условиям и географическому положению представляет

* См. «Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей». 1893 г. Вып. 3. Предисловие к сказанию о построении обыденного храма в Вологде. VI.

наиболее удобную арену для этой общечеловеческой работы* и поэтому всякое начинание, всякий шаг, клонящийся к осуществлению этой великой задачи, вместе с тем будет началом исполнения миссии, самой судьбой возложенной на нас, русских. Не будем же забывать о том, кто первый (не только в России) бросил семена этой мысли! Но каково же должно быть почитание человека мысли и дела? Не ясно ли, что если ко дню столетия его рождения память о нем едва начинает извлекаться из забвения, то эта историческая несправедливость может быть искуплена ко дню столетия его кончины и притом только одним путем – повсеместным созданием образцовых школ, т.е. таких, где не только учились бы, но и изучали, таких школ, которые, работая для будущего, в то же время являлись бы хранилищами прошедшего. Память Каразина можно и должно чествовать не статуей, восстанавливающей лишь его наружность, а делом, являющимся осуществлением его плодотворной мысли**. К сожалению, харьковцы решились почтить его память именно постановкой статуи. Не будет ли это, однако, злой насмешкой над тем, который в течение всей своей жизни не мог получить и половины суммы, необходимой для производства опыта и которая теперь уже собрана, несмотря на тугость подписки***, если потомство, вместо исполнения заветной мысли В.Н.Каразина, предпочтет откупиться, уклоняясь от своей непосредственной обязанности.

ДВА ЮБИЛЕЯ

духовный юбилей преподобного Сергия и юбилей светский В.Н. Каразина как два начальных способа действия для осуществления сынами человеческими всеотеческого дела. Приготовление к этим юбилеям требует совокупных усилий со стороны духовных и светских²⁹⁶

1. Вопрос о Каразинской Метеорологической станции в Москве (Наука и жизнь, 1893 г., № 44), или Центральный Музей как образец местных музеев-школ;

* Теперь это факт общепризнанный.

** Нам кажется, что учреждение метеорологической станции имени Каразина в Москве могло бы служить почином в деле чествования его памяти. Вопрос этот, затронутый в № 44 «Наука и жизнь» за 1893 год, вызвал поправку в виде письма в «Моск<овские> Вед<омости>»²⁹⁴. Поправка эта обязана своим происхождением тому обстоятельству, что все, сказанное в моей статье, слишком односторонне было отнесено к Румянцевскому Музею. На самом деле вопрос этот имеет гораздо более общее значение, и если речь шла о Румянцевском Музее, то это объясняется тем, что автору, как природному москвичу, естественно, было бы приятно видеть одно из самых богатых книгохранилищ России всеобъемлющим научно-вспомогательным учреждением. Казалось бы, что не следует предлагать учреждение нового там, где можно ограничиться расширением и усовершенствованием старого.

Повторяю: все сказанное в моей первой заметке имеет общее значение, так как инициатива в деле создания памятников (а не статуй!) должна быть особенной задачей музеев: на них лежит долг напоминать о людях, к которым оказываются несправедливы потомки, соотечественники и особенно земляки.

*** См. статью в № 75 «Московских Ведомостей» за 1894 год²⁹⁵.

это был проект «Записки к IX съезду естествоиспытателей» – см. примеч. 308, 316). Из-за болезни Борисов не смог сразу же принять и выслал Федорову законченную статью только 22 декабря. В сопроводительном письме он сообщил, что при работе придерживался федоровского текста и «местами [...] дословно переписывал то, что сказано» в заметке, «так как не находил возможным выразить этого лучше» (там же, л. 4 об.). В то же время в статью «К вопросу о памятнике В.Н. Каразину» Борисов не включил те части заметки, где говорилось о школах-храмах, «ни единым словом не обмолвился» о них. «Во-первых, – писал он Федорову, – статья не была бы напечатана, а во-вторых (что главное), – уж Вы простите мне откровенность, – я не мог писать о том, чего я не понимаю и не чувствую. Это совершенно чуждая для меня область, в которой я не привык мысленно работать. Конечно, я мог бы переписать об этом предмете с Вашей записки, но это было бы лицемерием» (там же, лл. 3–4). Присланная статья не удовлетворила Федорова. Сохранился черновик его письма к Борисову с разбором статьи, в котором содержится просьба не пускать ее в печать (см. Т. IV наст. изд.). Вероятно, именно несогласием Федорова на публикацию статьи объясняется тот факт, что, будучи готова в конце декабря 1893 г., она появилась лишь в апреле 1894 (в 15–16 номерах журнала «Наука и жизнь», подпись «И.Б.»). Перед отправкой в печать в статью были внесены мелкие добавления (ссылка на статью «Памятник В.Н. Каразину» в № 75 «Русских ведомостей»).

По выходе в свет статья «К вопросу о памятнике В.Н. Каразину» несколько раз была сочувственно упомянута в газетной периодике (см. примеч. 297). Впоследствии В.А. Кожевников и Н.П. Петерсон включили ее в I том «Философии общего дела» в качестве второго приложения к статье «Два юбилея». – 125.

²⁹¹ См. примеч. 11 к «Статьям о разоружении и умиротворении» – Т. II наст. изд., с. 479. – 125.

²⁹² В книге Я.В. Абрамова «В.Н. Каразин, его жизнь и общественная деятельность» приведен эпизод, впервые обнаруженный Ф.В. Каразиным, в сопроводительном примечании к публикации каразинской «Записки о метеорологии» («Русская старина», 1871, т. 3, с. 722): «В 1824 г. Аракчеев, проезжая через г. Богодухов (Харьковской губернии), сказал крестьянам, просившим о помощи по случаю неурожая: “странно, что вы голодаете: под боком у вас живет колдун (имение Каразина находилось возле Богодухова), который сводит с небес дождь и гром, когда захочет; обратитесь к нему”». – 125.

²⁹³ См. примеч. 28 к «Статьям о регуляции природы» – Т. II наст. изд., с. 475. – 125.

²⁹⁴ 30 ноября 1893 г. в № 330 газеты «Московские ведомости» было напечатано письмо заведующего метеорологической обсерваторией Московского университета Б.И. Срезневского, в котором он сообщал об обстоятельстве, препятствующем осуществлению проекта «устройства метеорологической обсерватории на бельведере Румянцевского Музея»: «...бельведер и вся крыша Музея представляют собою довольно ветхое деревянное строение, нуждающееся в «коренной перестройке». «Грандиозный проект сооружения железного верха здания при соблюдении, согласно державной воле покойного императора Николая I, в полной неизменности внешнего вида здания, составлен профессором К.М. Быковским и ждет для своего осуществления значительного капитала». Таких средств у музея не имелось. Точка в вопросе о «Каразинской метеорологической станции в Москве» этим письмом поставлена не была. 14 декабря 1893 г. И.А. Борисов писал Федорову: «Вчера вечером получил письмо от двоюродного брата, где он сообщает мне о желании Срезневского повидаться со мною. Письмо было помечено 12-м и заключало сообщение, что “завтра он уезжает в Петербург”». Другими словами: Срезневский уехал в Петербург в день получения мною письма и в то время, когда я не имел возможности исполнить его желание (из-за болезни. – *Сост.*).

Как только мне можно будет выходить, занесу Вам статью («К вопросу о памятнике В.Н. Каразину». – *Сост.*) и узнаю о причине желания меня видеть, которое выражал Срезневский» (ОР РГБ, ф. 657, к. 9, ед. хр. 8, лл. 1–2). Вероятно, Федоров, Срезневский, Борисов какое-то время еще надеялись, что при помощи печатных и публичных выступлений смогут привлечь внимание общественности и официальных лиц к проекту обсерватории и каким-то образом решить вопрос о реконструкции бельведера – потому-то мысль «о каразинской метеорологической станции» в Румянцевском музее повторялась и в «Записке IX съезду

естествоиспытателей» (см. примеч. 308), и в статье «К вопросу о памятнике В.Н. Каразину». – 127.

²⁹⁵ Речь идет о статье «Памятник В.Н. Каразину», помещенной в указанном номере «Московских ведомостей» в разделе «Внутренние известия». Согласно этой статье, «вопрос об увековечении памяти “основателя харьковского университета”» был поднят еще в 1872 г. по инициативе писателя Г.П. Данилевского. Вскоре «Харьковское губернское земское собрание ассигновало 5000 рублей на сооружение памятника и 5000 рублей на образование стипендии имени В.Н. Каразина». В апреле 1875 г. была открыта всероссийская подписка на памятник, однако средства поступали вяло и сбор пожертвований сильно затянулся. Вследствие этого в сентябре 1891 г. по инициативе профессоров Харьковского университета был образован комитет для сооружения памятника. «Комитет пришел к заключению, что необходимо соорудить памятник В.Н. Каразину в виде полной фигуры, а так как для такого памятника необходима значительная сумма, то пришлось расширить подписку». «В последние годы, – заключал автор статьи, – [...] подписка значительно оживилась и есть основание думать, что в недалеком будущем харьковцы приступят к постройке давно ожидаемого памятника». – 127.

²⁹⁶ Печатается по: «Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова». Т. I, с. 627–644. При жизни Федорова статья не была опубликована. – 127.

²⁹⁷ Первая заметка («Русские ведомости», 1894, 7 мая, № 124), напечатанная в разделе «Из газет и журналов», представляла собой краткое резюме статьи «К вопросу о памятнике В.Н. Каразину» с небольшой выдержкой из нее, вторая («Русские ведомости», 1894, 21 июня, № 169), помещенная в разделе «Внутренние известия», содержала корреспонденцию из Харькова. Автор корреспонденции (предположительно В.И. Срезневский – см. примеч. 306) рассказывал о мероприятиях по увековечению памяти Каразина: прошедших (торжественные заседания и речи в юбилейный 1892 год), настоящих (работа Д.И. Багаля «Опыт истории Харьковского университета», в которой подробно говорилось о жизни и деятельности ученого) и будущих (среди последних и упоминался проект «основания метеорологической обсерватории» имени Каразина). – 128.

²⁹⁸ См. примеч. 83. – 132.

²⁹⁹ См. примеч. 2 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 468. – 133.

³⁰⁰ Речь идет об архимандрите *Никоне* (в миру Николай Иванович Рождественский, 1851–1918), церковном деятеле и духовном писателе. С 1879 г. архимандрит Никон был редактором-издателем основанных им «*Троицких листков*». Это издание духовно-нравственного, назидательного характера, обращенное к широкой аудитории, рассчитанное и на читателя из народа, получило в последней четверти XIX – начале XX вв. огромное распространение (к 1912 г. было выпущено свыше 115 млн. экземпляров) и пользовалось устойчивой популярностью. – 133.

³⁰¹ Речь идет о письме Федорова к Антонию Храповицкому (см. примеч. 23 к I части «Записки» – Т. I наст. изд., с. 469–470). – 133.

³⁰² См. примеч. 3. – 135.

³⁰³ Реминисценция из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт» (1827). – 135.

³⁰⁴ В 1611 г. Нижний Новгород, жители которого вместе с другими городами северной и северо-восточной Руси постановили искать общего «совета» и «соединения» и в знак покаяния наложили на «всю землю» пост, стал во главе 2-го земского ополчения. – 136.

³⁰⁵ В 1869 г. на 2 съезде естествоиспытателей и врачей в Москве была высказана мысль о желательности создания в России объединения ученых, подобного уже существовавшим в то время на Западе, в Австралии и Северной Америке ассоциациям (первой, наиболее известной и в некотором смысле «образцовой» была «British Association for the Advancement of Sciences» – *Британская Ассоциация для прогресса естественных наук*, возникшая в 1831 г.). Эти ассоциации создавались и с научной, и с просветительской целью. Они занимались организацией естественнонаучных съездов, субсидировали перспективные исследования, печатали труды своих членов, организовывали публичные лекции и т.п. (расходы на научные цели иногда достигали 35–50 тыс. руб. в год). Далее первых предварительных планов на 2 московском съезде дело не пошло, и вопрос о *Русской Ассоциации* возродился лишь в 1890 г., когда зоолог и антрополог А.П. Богданов представил распорядительному комите-